

Алексей КОЛЕСНИКОВ

КАНУН

Рассказ

*Твой Новый год по темно-синей
волне среди моря городского
плывет в тоске необъяснимой...*

И. Бродский

В сентябре 2021 года я заподозрил жену в измене. Задержки после работы она объясняла эксплуатацией, возросшей после незначительного повышения. Спала – плохо, пила – залпом, перестала кончать. Случались непонятные звонки на телефон и нервные ответы на сообщения ночью. «Тук-тук-тук», – стучала она нервно ноготками по треснутому экрану.

Я вёл оперативно-розыскные мероприятия, собирал доказательства, опрашивал свидетелей, ставил следственные эксперименты, осуществлял сбор образцов для сравнительного исследования (под кухонной лампой вращал паутинку трусиков в надежде отыскать какие-то следы). Опер Алёхин.

Нарастало трагическое ощущение. Рухнув до критической точки, мое настроение стабилизировалось на уровне степенного уныния. Я механически работал, спал, ел и пил. Даже в день платы по кредитам не ощущал остревенения. Из узкого шкафа выбирал одну и ту же одежду: серые джинсы и черный свитер. Остальные шмотки пылились без дела, будто я из них вырос, а выбросить жалко. В Италии в новогоднюю ночь выбрасывают из окон старье. Как прекрасна должна быть эта страна!

Как-то опер Алёхин, в оранжево-зеленый день октября (ещё теплый ветер, но уже стылая земля), предпринял крайнюю меру – наблюдение. Моя Катя написала, что её опять задерживают. В третий раз за две недели.

Свалив из офиса, в котором работал никем, опер Алехин подкараулил жену-бухгалтера у офиса строительной фирмы. Жена там получала стыдную, но надежную зарплату.

В шесть из здания хлынули: тетки в плащах, дядьки в кожанках и уборщица в дутой голубиной куртке. Наконец и Катя в своем антрацитовом плаще выпорхнула из-за тяжелой двери, сбежала с облупленных ступеней и прыгнула в такси.

Началось преследование. Опер Алехин был осторожен, но не отставал.

Вены города опухли – давление нарастало – душно до головокружения. Красиво раскачивались клёны и тополя. Дремали в небе пухлые облака-младенцы.

Такси везло Катю в сторону железнодорожного вокзала, где, кажется, не мог жить ни один богатый самец нашей провинции. Обидно, когда тебе – дворняге – изменяют с такой же дворнягой. По любви, значит. Поделом тебе, по заслугам, по совести, по участи твоей.

На перекрёстке, где справа кладбище, а слева парк, замешкавшись из-за какого-то мудака на китайской рухляди, я отстал от такси. Нагнал его скоро, но Кати в нем уже не было. Старый таксист курил в окошко. Справа какое-то серое здание с елями и флагами. Слева троица хрущевок сотней облупленных глаз.

Алексей Колесников родился в 1993 году в Белгороде. окончил юридический факультет НИУ «БелГУ». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Новый берег», «Нева», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «На рынке» (2020, № 5-6).

Где-то в одной из хрущевок моя Катя стаскивала с длинной ножки сапог, прилаживала к вешалке плащ с оторванной петелькой, отпускала на пол (пусть падает!) с бёдер юбку. Расстёгивала шёлковую блузку, хихикая, не стесняясь натруженного за клавиатурой пота, садилась сверху на мужичка, который всегда готов, как Кремль к смене власти. Дышала, отбросила назад голову, постанывала требовательно. Что-то может ещё. Любовник знает женщину лучше мужа. Чувствует мучительнее.

У неё грудь чуть больше яблока. На правой отметины: нестрашный рак выскабливали года два назад, когда мы только познакомились. Шрам был мясистым сначала, а теперь побелел.

Опер Алёхин провалил задание. Объект слежки скрылся. Где-то тут она, рядышком, но не найдешь.

Я уехал домой, закупившись по дороге вином и сыром. Слушал в машине «Гражданскую оброну» и предвкушал стыдливый онанизм.

Когда Катя вернулась, часа через два, я сразу раздел её и обнюхал. Имитировал страсть: целовал ладони, плечи, уши. Бедрa снаружи и особенно внутри. И далее, далее, далее. Прямо на кухне. Упираясь задом в холодильник, я мямл жену как тесто на кухонном столе.

– Крошки царапают, – жаловалась Катя, опираясь на локотки.

Везде пахло только Катей. Ровно как до замужества: страхом, страстью и капроном колгот. Перевернув чашку, она лежала на столе и грызла салфетку. Шурилась и посапывала, а я копошился между ее лапок, как дореволюционный фотограф со своим аппаратом.

– Сейчас вылетит птичка, – соврал я.

Катя хихикнула, коснулась моих ушей, сказала что-то, а потом умолкла и сосредоточилась. Я терпеливо работал над ее оргазмом. Наконец она задрожала, нагрелась – и почему-то тем самым убедила меня в своей верности.

После, грызя один на двоих помидор, опер Алёхин попросил:

– Расскажи, что происходит. Только не ври.

Она рассматривала черный педикюр, прислонившись спиной к холодильнику. Спустилась на пол со стола.

– Ты верна мне?

Оскорблённый взгляд.

– Да или нет?

– Да! Конечно, да! – прорычала она.

Чуть позже она сказала:

– Если получится, может, съездить куда-нибудь перед новогодними? Или сразу после?! Попробуем скопить. В любое место. Хоть в соседний город. На три дня. Давай! Я не могу уже видеть одно и то же. Этого соседа утром с сигаретой и его срущую на клумбу собаку. Слушай! – Катя улыбнулась: – На Эквадоре в полночь, пока бьют куранты, бегают вокруг дома с чемоданами. Это такая примета, чтобы были путешествия в наступающем году. Впрочем, – добавила она, подумав, – у них напряженка с путешествиями. Билеты страшно дорогие.

– Куда тебя возило сегодня такси? – спросил я.

Катя, хлопнула в ладоши, поклонилась, как маэстро, и ушла за халатом. Нервно сунула в него руки, запахнулась и уселась на диван. Обнаженная женщина не способна на скандал.

– В жопу труда! – прикрикнула она наконец, а потом добавила: – Рвать провода.

Больше мы не разговаривали. К счастью, я очень хотел спать.

Утром мы разбежались по работам.

Обеденный перерыв я любил проводить в парке, сидя на скамейке вблизи колеса обозрения, которое остановилось из-за ковида. Воистину уснувшие аттракционы – это предвестник апокалипсиса.

Вот и в тот день я размышлял там, обхватив себя обеими руками. Осень явно шла к завершению. Ветер со льдом, листья выгорели, заветрел чернозем. И все же, осень прекрасна. В этот период мне всегда тревожно и совестно, как подростку.

Катя прислала сообщение. Про тюрьму.

«В общем, плохие новости. Скорее всего, меня посадят. А может и нет. Но следователь и адвокат говорят, что скорее да. А еще я буду всю оставшуюся жизнь должна. Наложат арест на карты. Зарплату заберут.

Это из-за повышения. Только учти: я согласилась добровольно. Не давили. Я – номинальный директор в обществе с ограниченной ответственностью, которое входит в группу компаний, занимающихся строительством многоквартирных домов. Помнишь, я рассказывала?»

Катя подробно описывала специфику финансовых операций, которые происходили в рамках группы компаний. Оказывается, что в совокупности они были полузаконными. Суть её преступления заключалось в недоплате налога на прибыль. Обычно Катин шеф – бенефициар всей группы – решал подобные вопросы стандартным способом. И речь о не коррупции, а о системе полулегального, проверенного годами, рассчитанного на авось, способа ухода от налогов. Коррупция – это потом. Если засекут. Все так работают – это почти фундаментальное правило осуществления коммерческой деятельности, иначе заработка не увидишь.

Теперь Катиного шефа арестовали, из нашего приграничного городка отвезли в далекую Москву, заморозили все счета, наложили запрет на регистрационные действия в отношении имущества и вменили мошенничество в особо крупном размере. Его юристы суетились, пытались не допустить гибели бизнеса, но факт возбуждения в отношении теперь и Кати уголовки (тоже мошенничество, но по первой части) указывал на исполнение серьезного заказа конкурентов. Смысл Катиного ареста сводилась к сигналу: «тебе край, мужик!».

«Похоже, – писала Катя, – что даже если он отдаст всё – один фиг – не отстанут».

Кате наняли адвоката, но он ничего не обещал, потому что ему законодательно запрещено давать обещания. Распространить бы действие этого правила на всех повсеместно и распинать на площади всякого, кто ослушается.

«В общем, подумай, нужно оно тебе или нет. Я серьезно. Два года для брака – не срок.

Прости, что не посоветовалась. Прости, что со мной одни несчастья. Я тебя люблю. Как и прежде и даже сильнее. И не от страха люблю, а просто так».

Вдогонку она слала сообщения с ненужными разъяснениями, а опер Алёхин все сидел неподвижно и пялился на ржавеющее колесо обозрения.

Вечером я тянул из Кати жилы подробностей. Она распухла от плача. Я ругал её и впервые хотел ударить.

– Может, родить? Не посадят же беременную, – прошептала она и вдруг уронила кружку с чаем. – На счастье, – сказала она, хотя кружка не разбилась. – В Дании на Новый год бьют посуду. Чем больше осколков – тем больше будет гостей.

Её отец прилагательное – военный. Настоящий, не ряженный, с боевыми наградами. Обе чеченские невойны выволоч. Ранения были: надорвано ухо и легкая контузия. Сейчас посменно охраняет супермаркет. Голосует за Путина, уважает – Сталина.

Мать – рыжая, очень рыжая. Волосы – цвета намочшей ржавчины. Кожа – белая, с синевой. Пахнет цветочно-медовыми духами и курит крепкие российские сигареты. Тоже бухгалтер. Согласно легенде, сопровождала банкротства и ликвидации крупнейших предприятий нашего города в годы формирования капиталов. Заработала на этом панельную двушку на левом берегу и мерседес восьмидесятого года. Кажется, еще ездила в Анталию до замужества. Последние десять лет обслуживает сеть магазинов «Фейерверки». Шутит: «Работа не фонтан, а фейерверк». Впрочем, частенько к полудню она уже дома. Старается поддержать форму, поэтому три раза в неделю бегает на йогу и по четвергам голодает. Только воду с липовым мёдом пьет.

Катя на детских фотографиях пучеглазая испуганная лягушка. В пубертатный период – черноглазая, с большим изогнутым ртом, некрасивая. Плечики птичьи, кудри жирнятся, тело длинное, а ноги короткие: безгрудая, шекастая и угрюмая.

Чудо произошло лет в семнадцать: вытянулись ноги (цыганские иголки), набухла грудь (курносая), дошли черты лица и глаза ожили. Ей подходили любые наряды, прическа и цвет волос. Девочка в костюме стеклянной куклы.

Моя Катя чуть не вышла замуж лет в двадцать. Её парень работал графическим дизайнером и (я проверял) талантливо рисовал.

Как-то вечером к ним пристали на улице «я-русские», отмечавшие проводы в армию своего соплеменника. Они были клубные охранники или что-то вроде того.

Дизайнера избивали, пока Катя металась по тополиному темному парку в поисках подмоги. Напоследок ему прыгнули на голову разом двумя ногами, как на сугроб – череп открылся.

Сутки его спасали в третьей городской. Находясь в сознании, он просил наушники. Катю не пускали. Ночью он впал в кому и умер через пару часов.

Она трепетно оберегла меня от его тени. Я притворялся, что не замечаю её – темно-серую. А все же, в первый наш год он бродил вокруг книжного шкафа, завтракал с нами, ложился в постель. А потом исчез. Махнул как-то с нами в Ялту и не вернулся.

Катя теперь не ходила на работу. У нее появилась мера пресечения: подписка о невыезде. Нам и без неё ехать было некуда. Да и куда деться осенью? А вот после Нового года мы планировали посмотреть соседний Воронеж.

Пожалуй, так бедно я жил только в первые студенческие годы, когда съехал от родителей. Мы с Катей проявляли настоящий талант, чтобы выжить на мою зарплату. Помнили, где продается бюджетная курица, освоили все возможные блюда из гречки, полюбили морковь и капусту. Пил я теперь исключительно водку. Закусывал поджаренным хлебом с чесноком и печёной картошкой. Кажется, впервые Катя вымылась мылом за неимением шампуня и выстирала трусики руками. Сказала:

– Нужно привыкать.

А оптимист Алёхин ответил:

– Ага. Зимой, когда за неуплату перекроют воду, будем топить снег. Жалко, камина нет. В Нидерландах на Новый год гости приносят спички и бросают в камин. На удачу. Понимаешь? У них у всех там есть камин! И никто, значит, не платит за отопление.

В последний раз мы голодали в ковидные времена. В нашем городе карантин никто не соблюдал – преимущество провинции. Такими забавными нам казались рассказы о том ментовско-медицинском режиме, который установился в Москве и Питере. Недовольный писк – дубинкой по лбу. Друзья, уехавшие за счастьем в большие города, очень жаловались. И заметно спивались на удаленке.

А мы ходили на работу, гуляли. Кажется, даже ели руками шашлык в парке на День города. Только вот когда заболели, оказались вдруг без денег, поэтому заказывали продукты раз в неделю и не принимали половину назначенных лекарств.

Теперь, как в те карантинные недели, Катя от безделья занималась уборкой квартиры. У нас совершенно перевелась пыль. Я боялся, что она начнет выбрасывать мебель, чтобы было еще чище.

Дни, как голодные собаки, огрызались и громоздились вокруг нас, а мы вертелись, пытаясь им угодить, да только всё без толку.

Адвокат говорил, что есть шансы на улучшение ситуации к Новому году. Катя радовалась этому, как выигрышу в лотерее. Составляла список салатов к празднику, в интернет-магазинах выбирала платье и требовала, чтобы я купил со следующей зарплаты пластмассовую елку.

Иногда философ Алехин не доверял своим суждениям о реальности. Попросту не верил в случившееся. Какая Кате тюрьма, если она даже мух боится? Когда летом отключают на профилактику горячую воду, я поливаю её из ковшика теплой водой. Занозу из ее пальца мы достаем весь день, потому что «это адски больно».

В начале декабря, чтобы сэкономить, я заранее купил елку, и как-то стало спокойнее. Допросов не случилось, обещанный обыск так и не провели, а Катя начала подыскивать работу. Мой пятнадцатилетний оливковый «Авенсис» мы продали и положили деньги под пять процентов «на черный день». Можно было частично погасить ипотеку, сократив тем самым срок ее выплаты на целых два года, но все равно бы оставалось еще десять лет. Все это казалось абсурдной комедией.

Последние краски затянувшейся осени догорали. Казалось, вот умрет сейчас природа, великолепно ярко погибнет, а потом наступит бесслѐзная, надменная зима. Морозами придушит ковид, любую другую заразу и все человеческие несчастья. А потом весна-игрушечка. Девчонка, еще не видевшая ни одного печального сна. «Привет, – скажет. – Давай целоваться, и в прятки играть».

– Никогда я так не ждала Нового года, – говорила Катя. – С утра начнем отмечать. С меня вкусный завтрак! Потом к родителям. К ним сначала обещался папин сослуживец с семьей, но что-то у них отменилось. Вызвали на учения, что ли. Какие в Новый год учения, да? В общем, родители будут вдвоем. Подарим маме те прикольные шарики, кирпичного цвета, которые ты купил вместе с елкой. А папе комплект термобелья цвета хаки. Купим в военторге. У нас ведь осталось немножко денег? Потом вернемся домой и начнем пить вино. Когда стемнеет, можно погулять на районе. А потом встречать! Посмотрим какое-нибудь кино, потом президента, а потом шампанское и музыка. И так до утра! Я не дам тебе спать до рассвета. А спать будем так, как спят только счастливые люди. Ну а на следующий день позовем кого-нибудь в гости. Согласен? Жалко, дедушку нельзя поздравить. С возрастом хочется чаще быть с семьей, но в нашей огромной стране это трудно. И жилье дорогое. Во Вьетнаме старики – обязательные гости за новогодним столом, но там же тоже жизнь дорогая. Так что? Ты согласен?

– Согласен последнее за такой сценарий отдать, – ответил внезапно растроганный Алѐхин.

До Нового года оставалась одна неделя. Это случилось очень по Сартру.

В последнюю ночь Катя уснула на диване под облучением телевизора, а я, как старик, с книжкой в кресле задремал минут на десять. Потом проснулся и с трудом себя успокоил. Невротика Алѐхину почему-то уснуть – это как уронить штаны в общественном транспорте.

За окном гудел ветер и кто-то, захлѐбываясь, кашлял. Катя спала, разинув рот, как птенец кукушки. Я устроился рядом. Она заерзала, но не проснулась.

Спалось тесно, но правильно.

Утром я ушел на работу, а вечером, не заходя домой, попѐрся к другу Мише. Катя попросила не задерживаться до ночи и захватить чего-нибудь спиртного. Такие просьбы участились – это настораживало.

Где-то на середине алкогольного марша пьяница Алѐхин попытался все рассказать Мише, но тот разродился не разрешаемым политическим вопросом. Мы слегка поспорили, а потом долго задумчиво молчали.

Мы курили среди Мишиных картин. Со стен минималистичной кухни на нас пялились кислотного цвета уродцы: лысые, большеглазые, большеносые, с вялыми гениталиями, скрюченные. Формально, как художник, Миша занимался цветом. Уродцы – отвечали за социальный пафос произведения. Типичная Мишина картина: трое обнаженных парней, похожих на нечисть из советского «Вия», играют в карты за треугольным столом. Стол ярко-желтый, парни – салатовые, голубоглазые, потолок – синий, карты черные. Один пускает слюни, другой мочу. У края стола баночка кока-колы. Так Миша изображал властителей мира.

В этой квартире с Мишей я сильнее себя обычного. Но рассказать о Кате все же не решился. Совестно и сложно.

Мы не сильно напились, но речь замедлилась и движения стали кукольными. Миша проводил меня до подъезда, дал на дорожку сигарету и насвистывая «Неба утреннего стяг» ушел.

В магазине я купил бутылку рябиновой настойки, сунул ее во внутренний карман пуховика и решил пойти пешком. На такси мы сэкономили, а в душный автобус лезть не хотелось.

Мы жили в новом районе. На весь путь путешественник Алехин планировал потратить минут двадцать, о чем сообщил Кате в сообщении.

«Не пей пока идёшь. Посидим», – попросила она.

На выходе из магазина меня окликнули менты. Их, как всегда, было трое: двое сопляков и один мой ровесник.

– Выпивали сегодня? С бутылкой? Нет паспорта? Где проживаете? Телефон есть? Давайте про-бьем? Много выпивали?

Сдержанно, вежливо, расторопно я отвечал, но потом устал и спросил:

– Может, я пойду?

– Нет, – с некоторой даже досадой возразил взрослый мент. – Нужно личность установить. Паспорта же у тебя нет.

– Дистанционно давайте, – попросил терпеливый Алёхин.

– Не получится сегодня. Поедем в отделение.

– Я же не пьяный. С другом одну бутылку коньяку выпили – всего-то.

Лет в двадцать я бы побежал со всех ног в сквер и исчез бы там в шевелюре спящего дерева; подслушивал бы оттуда сбившиеся дыхания этих псов и маты; втайне я был бы счастлив – не поймали, скоты!

Бывало, что и ловили. Я тогда или жалобно просил отпустить, не везти в клетку, или совал им в карманы мятые деньги. Последние, мамины. Они хихикали, как целки, и брали. Ни разу я до клетки так и не доехал потому, что всегда было не все равно. А теперь у меня жена под следствием. Хоть в жопу меня засуньте, бездельники.

– Скажу честно, – начал врать взрослый мент. – У нас сейчас проверки. Мы даже соседей обязаны доставлять, если без паспорта.

– И родственников, – добавил молодой.

– Вы сумасшедшие? – поинтересовался я.

Взрослый мент глянул на одного из молодых с автоматом и, поймав мой локоть, сказал:

– Прокатимся до отделения, проверим данные, и свободен, окей? Коль, вызывай тачку.

– А назад как? – спросил я, вызвав у них улыбки.

Меня привезли в отделение, пробили паспорт и отправили в пустую клетку. Там было почти что уютно. Только воняло кислым.

На мои вопросы не отвечали. Послушно водили в туалет и воды приносили. Утром, часов в пять, выпустили и вручили штраф за «появление в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте». Настойку не вернули, деньги не взяли.

Менты неспособны говорить правду. Они врут постоянно даже собственным матерям.

Шагая сквозь предрассветную улицу через сквер к автобусной остановке, чуть вздрагивая от омерзения, похмелья и ненависти, я безответно звонил Кате. Если бы в то утро анархист Алёхин обнаружил у себя в кармане гранату, то он знал бы, куда ее швырнуть. Стало полегче, когда триколоры остались далеко за спиной. Они вздрагивали от ветра и казались не флагами, а платочками.

Дома я обнаружил кавардак: вещи разбросаны, ящики вынуты, в ванной отколупнуты пару плиток. Собирая машинально тряпки, я не нашел Катиного теплого свитера под горло. И сразу всё понял: обыск и арест. Государство похитило жену.

Теперь я один и совершенно без оружия.

Одному жить выгоднее – денег остаётся больше. Еды теперь доставало, спать было просторнее, больше находилось времени для размышлений. Снова можно было гулять, рассматривая чужие лица, ноги, автомобили. Можно было не заботиться о постороннем на себя взгляде.

Жить без Кати было проще, но незачем.

Дня за два до Нового года умер сосед от ковида. Я наблюдал в глазок, как его тело увозили врачи в защитных костюмах. В Чили, кажется, в новогоднюю ночь ходят на кладбище, чтобы встретить праздник с почившими родственниками. У нас сугробы, поэтому не пройти.

Выпал снег. Помню ночь, в которую алкаш Алёхин бродил по городу с коньяком в кармане. Тишь частного сектора, лай собак, смех старшеклассниц и гул поезда, напоминающий первые страницы «Доктора Живаго». И мороз лезет за шиворот – ах, как я помню эту ночь!

С Катей связи не было. Через адвоката я передал яблок. Он уверял, что арест – это нормально. Все как у всех.

Тридцатого декабря меня уволили. Но не из-за халатного отношения к работе, а просто потому, что сократили штат на пять человек.

– Ваши должности, ребята, съел коронавирус. – Так объяснился наш директор – робкий, вежливый, не признающий никакие рубашки, кроме голубых, сорокалетний культурист.

Безработному Алехину выплатили пособие, и он, в честь этого, закупил Кате громадный пакет вкусностей, намереваясь их передать третьего января. Катина мама привезла теплый свитер, почему-то с российским хищным гербом. Катин отец прекратил общение с зятем в день, когда все узнал.

Я был растерян. Нужно было как-то встретить Новый год. Оказалось, что этот праздник немислимо отметить в одиночестве. В гости ждать было некого. Миша уехал. В Ирландии в Новый год открывают дверь нараспашку, чтобы каждый желающий мог зайти на рюмочку. Веселый народ эти ирландцы. Нам так нельзя.

Я нарядил елку, купил шампанского и что-то приготовил. За всю эту неделю ни разу, ни на одну секунду я ничему не обрадовался. Собственное бессилие раздражало. Тоска, как тошнота, мешала привычным жизненным процессам. Даже запор начался.

Полночь я отмечал, сидя на полу. Слушал Джо Дассена. Ему следует дать Нобелевскую премию мира посмертно или что-то вроде того. Кажется, когда он поёт, что в мире не существует маньяков, педофилов, тиранов, смертей, войны и тюрем, а есть лишь теплый ветер, спокойная совесть и здоровый дух. Хотя и грустно немного.

Шампанское я так и не открыл. Осушил бутылку водки и отпил немного из пыльной бутылки домашнего вина. Катина мама летом угощала. Что говорил и что обещал президент, не помню. Нормальный русский Новый год.

Барахтаясь на ковре, я подавлял тошноту. Молился кому-то о переменах. Пусть все будет иначе в новом году. Чтобы нынешняя жизнь не повторилась. Чтобы всколыхнулось наше вязкое полумёртвое существование. Чтобы Катеньку мою не изнасиловала какая-нибудь старая лесбиянка с липкой вагиной, чтобы Катин шеф нашел деньги и заплатил всем, кому нужно, чтобы все это прекратилось. И, наконец, чтобы все мы: весь район, город, страна, мир – были немедленно счастливы. С января! С февраля на крайний случай.

И наступил 2022 год, и взметал к небу салют, и было трепетно и таинственно.

2022 год наступил, но никто не знал, особенно в нашем приграничном городе, что наступил он каждому на горло, на запястья, на животы и гениталии.

Праздник, знал мудрец Алехин, всегда оборачивается похмельем, поэтому следует пораньше улечься спать, чтобы утром воскресать было легче.

Свернувшись калачиком, одиночка Алёхин уснул прямо на полу, чтобы проявить солидарность с Катюшей, жавшейся в ту ночь на узких нарах поближе к стенке. Чтобы не было перед ней стыдно, когда все закончится. Чтобы простудиться и бросить пить. Чтобы тот, которому я молился, поверил: Алёхин готов пострадать во имя грядущего счастья.